

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260

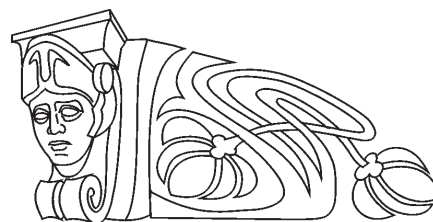
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 254–260

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

Научная статья
УДК 81'373

Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм

С. Б. Козинец

Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Козинец Сергей Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного образования, kozinec74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-367X>

Аннотация. В статье рассматриваются языковые единицы, в которых реализуется образный потенциал зоонимов (анимализмов, названий животных) – метафор, сравнений, фразеологизмов. Цель исследования состоит в установлении лексико-семантических особенностей единиц, входящих в образное поле зоонимов. В ядерную зону поля входят названия животных, птиц, рыб, насекомых, пауков и микроорганизмов; в приядерной зоне находятся названия доисторических животных, мифических и сказочных существ; в периферийную зону входят наименования жилища животных, помещения для их содержания и разведения, названия предметов для ловли животных и ограничения их движений, действий, обозначения звуков, издаваемых животными, их движения. Анализ материала позволил установить, что в подавляющем большинстве случаев зоонимы в образном употреблении служат для характеристики человека (его внешности, качеств характера, особенностей поведения, социального статуса). Анималистическая метафора расширяет свое пространство за счет производной лексики, куда относятся слова, усваивающие значение производящего, производные с компаративной семантикой и словообразовательные метафоры. Составляя ядро образного поля, анималистические метафоры, тем не менее, обладают меньшим образным потенциалом, чем сравнения, поскольку называют предмет, признак или действие напрямую, актуализируя определенные семы. Метафорических значений у зоонимов бывает обычно одно–два, реже – три. Сравнения же во многих случаях указывают на самые разные аспекты сопоставляемых предметов, поэтому они во многих случаях окказиональны.

Ключевые слова: зоонимы, анималистическая метафора, сравнение, фразеологизмы, тематические группы

Для цитирования: Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit

S. B. Kozinets

Saratov Regional Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Sergey B. Kozinets, kozinec74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-367X>

Abstract. This article discusses linguistic units which actualize the figurative potential of zoonyms (animalisms, animal names) – metaphors, comparisons, phraseological units. The purpose of this research is to establish the lexical and semantic features of the units included in the figurative field of zoonyms. The nuclear zone of the field includes the names of animals, birds, fish, insects, spiders and microorganisms; the circumnuclear zone contains the names of prehistoric animals, mythical and fabulous creatures; the peripheral zone includes the names of animal dwellings, premises for their keeping and breeding, names of objects for catching animals and restricting their movements, actions, designations of sounds made by animals, their movements. The analysis of the material made it possible to establish that in the overwhelming majority of cases, zoonyms in their figurative use serve to characterize a person (his appearance, character traits, behavioral characteristics, social status). Animalistic metaphor expands its space by means of derivative vocabulary, which includes words that acquire the meaning of the derivational base, derivatives with comparative semantics and word-formation metaphors. Constituting the core of the figurative field, animalistic metaphors, however, have less figurative potential than comparisons, since they name an object, feature or action directly, actualizing certain semes. Zoonyms usually have one or two metaphorical meanings, less often three. Comparisons, in many cases, point to very different aspects of the compared objects, so they are in many cases occasional.

Keywords: zoonyms, animalistic metaphor, comparison, phraseological units, thematic groups

For citation: Kozinets S. B. Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 254–260 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Зоонимы, или анимализмы, с давних пор служат для образного наименования человека и всего, что с ним связано. Причем процесс этот взаимонаправленный, поскольку язык по своей природе антропоцентричен, а следовательно, именно человек «проникает» в мир животных, находит общие черты, устанавливая внешнее или внутреннее сходство с самыми разными представителями фауны, а затем присваивает имена животных себе и предметам, которые он создал.

Зоонимы реализуют образное значение в двух основных видах тропов – метафоре и сравнении, а также в значительном количестве устойчивых выражений (подробнее об этом см.: [1]).

Метафора – вид тропа, состоящий в переносе одного названия на другое по сходству (внешнему, внутреннему или ассоциативному): *газель* ‘стройная женщина’ (< горная коза из семейства антилоп, отличающаяся стройностью и быстротой бега); *сорока* ‘о болтливом человеке; о сплетнике, сплетнице’ (< птица семейства вороновых, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик – стрекотание); *бронтозавр* ‘человек прошлой эпохи, с остальными взглядами’ (< вымершее гигантское пресмыкающееся).

Так как метафоры обладают двуплановостью, т.е. «в одновременном указании на основной и вспомогательный субъекты образного сравнения» [2, с. 112], их принято классифицировать прежде всего по основному и вспомогательному субъектам.

Классификация метафор по *основному субъекту* базируется на объединении образных значений в семантические поля (характер вспомогательного субъекта не учитывается): *ц в е т о в а я* метафора: *изумрудные листья, золотые волосы, бронзовый загар, янтарные глаза*; *к о л и ч е с т в е н н а я* метафора: *море людей, гора книг, высокая скорость, низкая температура*.

Классификация метафор по *вспомогательному субъекту* основана на тематической принадлежности слова в прямом значении (характер основного субъекта не учитывается): *п р о с т р а н с т в е н н а я* метафора: *низкий поступок, на вершинах власти, глубокая скорбь, широкие возможности*; *м у з ы к а л ь н а я* метафора: *минорное настроение, мелодия леса, фальшивая нота*; *а н и м а л и с т и ч е с к а я* метафора: *акула пера, жирафы портовых кранов, стальная птица, офисный планктон*.

Анималистическая метафора (зоометафора) давно привлекает к себе внимание ученых, поскольку анимализмы широко представлены во всех языках мира и относятся к одним из самых древних и распространенных.

Зоонимы могут «проникать» – в образном значении – в самые разные группы слов. Прежде

всего, они переосмысляются в рамках своего же лексического поля (внутренняя метафора): животное → животное, что опровергает утверждение Н. Г. Скляревской о том, что «переносы из сферы ЖИВОТНОЕ направлены только на сферу ЧЕЛОВЕК» [3, с. 98].

Л. В. Балашова, исследовавшая метафору в диахронии, обнаружила, что «в номинации животного мира постепенный рост продуктивности метафоризации более очевиден <...> Исконная система номинаций животных почти не содержит метафор. В русском языке XI–XVII вв. можно обнаружить лишь отдельные примеры <...> В дальнейшем число метафорических номинаций значительно увеличивается, причем как в системе народных названий обитающих на территории России животных, так и в зоологической терминологии калькированного типа» [4, с. 41–42].

Подобные метафоры значительно распространены среди названий морских обитателей, что нередко маркируется соответствующим определением: *морской лев, морской котик, морской леопард, морская корова, морской слон, морской заяц, морская мышь, морской еж, морской конек, морской петух* и под. Кстати, некоторые иноязычные названия животных, давно освоенные русским языком, этимологически также являются метафорами. Так, слово *гиппотам* в переводе с древнегреческого означает буквально «речная лошадь» (*hippos* – лошадь, конь + *potamios* – река), а *орангутан* в буквальном переводе с малайского – «лесной человек».

Такая частотность метафорического переноса в этой группе объясняется, видимо, тем, что лексически давно освоенная наземная фауна поневоле выступала в качестве объекта сравнения с морскими обитателями, с которыми человек в основном знакомился – по вполне понятным причинам – гораздо позже. Значительная часть названий морских животных и рыб – результат метафорического переосмысления наименований человека, предметов: *рыба-клоун, морской монах, рыба-меч, рыба-пила, молот-рыба* и др. Этот тип метафор относится к словам с «ослабленным образом», они занимают промежуточное положение между живыми метафорами и мертвыми [2, с. 131].

Зоонимы служат и для наименования вещного мира (внешняя метафора): *галстук-бабочка, гусеница танка, бык* (промежуточная опора моста), *кошка* (абордажный крюк; легкий якорь), *хвост самолета, зебра* (пешеходный переход), *собачка* (спусковой крючок), *компьютерная мышь* и т.д. Рассмотренные примеры – разновидность *стертых* метафор, «которые находятся в процессе утраты смысловой двуплановости и внутренняя форма которых ощущается уже не всеми носите-

лями языка» [2, с. 134], поскольку они создавались для номинации предметов, а не для образного осмысления действительности.

Проанализированный нами материал (около пятисот слов) отражает образный потенциал названий животных и связанных с ними предметов и действий, служащих прежде всего для *характеристики человека* – внешности, черт его характера, поведения, социальной роли и др. Небольшая группа слов участвует в номинации предметов.

Анималистическая метафора понимается нами широко: в семантическую сферу «Животное» включаются названия животных, птиц, рыб, насекомых, части тела, части покрова животного, группы животных, места обитания, звуки, издаваемые животными, жилища животных, помещения для содержания и разведения животных.

Включение в эту группу помещений и предметов объясняется тем обстоятельством, что они не только реально, но и понятийно связаны с животными. Так, для слов *курятник*, *конюшня*, *свинарник* и т.п. важно не то, что они обозначают постройки, созданные людьми, а, то, что в них обитают соответствующие животные. Эта лексика «содержит такие устойчивые коннотации, которые соотносят ее с миром животных. Вычлняемый в этих случаях символ метафоры семантически объединяет не два предмета, но человека и животное» [3, с. 100]. Однако связь проявляется опосредованно, главным для метафоризации становится характеристика параметров предмета. Например, *скворечником* называют маленькое тесное помещение, и название птицы здесь, естественно, ни при чем.

В зависимости от того, что описывает анималистическая метафора – внешний облик или внутренние свойства человека, она бывает внешней, внутренней или ассоциативной. Сразу оговоримся, что данная классификация достаточно условна, поскольку провести четкую границу между типами метафор не всегда представляется возможным.

Внешняя метафора базируется на уподоблении внешних качеств сравниваемых объектов – размера, формы, особенностей строения. В такой метафоре «присутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным» [3, с. 53]: *аквариум* ‘небольшое здание, помещение с прозрачными стенами’: *Тот по-прежнему висел на телефоне, но, почувствовав на себе взгляд профессора, затравленно посмотрел на него из своего аквариума* (А. Жолковский. На полпути к Тартару)¹; *анаконда* ‘пневмоконтейнерный трубопровод’:

¹ Здесь и далее примеры взяты из: *Козинец С. Б. Человек в мире животных. Образный потенциал зоонимов: словарь.* Саратов : Саратовский источник, 2022. 240 с.

Пневмотрассы сыграют большую роль в освоении природных богатств Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, ведь бездорожье «анаконде» нипочем (Г. Алова. Потомки первой «анаконды»); *бабуин* ‘некрасивый мужчина’: *Уже много лет я не жгу свечу с обоих концов, утратив смазливость и здоровье, превратился (внешне) в облезлого буржуина-бабуина* (В. Пригодич. Новый Пелевин, старый Лао-Цзы, или Вечный путь).

Внутренняя метафора устанавливает более отдаленную связь между объектами, находя что-либо общее в поведении: *страус* ‘о человеке, стремящемся спрятаться от проблем’: *Как письма в защиту Сахарова подписывать, так ты храбрец, настоящий лев, а как пережить папину (и, следовательно, нашу) трагедию – страус?* (С. Ландау. На краю круга девятого); *гарпия* ‘злая, агрессивная женщина’: *Несмотря на многочисленные заходы налево, жену свою он любил и со страхом гадал заранее, какая гарпия предстанет его глазам* (Е. Лукин. Грехи наши тяжкие), или в сходстве функций: *инкубатор* ‘место с благоприятными условиями для появления, становления кого-, чего-л.’: *Гарвардский университет называли инкубатором формирующейся американской элиты* (А. Шварцбург. Неизвестный Гарвард), *капкан* ‘безвыходное положение, организованное кем-л.’: *Восемьсот человек были окружены, были в ловушке, были в капкане* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Ассоциативная метафора «базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности» [3, с. 60]: *парить* ‘устремляться к возвышенным мыслям, чувствам»: *Гулимов существует на другом уровне, парит в своих поэтических небесах* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника); *волк* ‘о человеке, искушенном в каком-л. деле, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям’: *Один старый газетный волк, видя, как мне хочется всюду успеть, дал совет* (Ю. Поляков. Работа над ошибками); *павлин* ‘высокомерный, тщеславный человек’: *Недруги считали его самонадеянным, самовлюбленным павлином* (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть).

Некоторые ассоциации приняли более-менее устойчивую форму в виде так называемых *коннотаций* – устойчивых представлений носителей языка о каком-либо явлении действительности. Коннотация содержит оценки, характеристики, приписываемые какому-либо предмету или явлению; т. е. она тесно связана с прямым, базовым значением слова, но не входит в него.

Любая коннотация, естественно, антропоцентрична, поскольку оценка исходит от человека, и

представляет собой явление вторичного плана: прежде чем дать оценку какому-либо предмету (животному, растению и т.д.), человек обнаруживает какое-либо сходство этого предмета с собой. При этом оценка чаще всего негативная, поскольку «езде в качестве подразумеваемого члена противопоставления, своего рода точки отсчета, выступает сам человек! Тюлень для нас – лежебока, осел упрям, козел – вонюч и глуп... Зато наши собственные, человеческие свойства (размеры тела, скорость передвижения, способ питания и т.п.) считаются оптимальными, именно они принимаются за образец» [5, с. 218]. Таким образом, некая черта харак-

тера закрепляется за определенным объектом (лиса – хитрость, заяц – трусость, свинья – невежество, корова – глупость, орел – гордость и под.), а вербализуясь в этом слове (в метафорическом значении), становится ярким символом поведения или характера человека, который сравнивается с каким-либо животным, растением и т.д. Формальное выражение коннотация находит в *коннотативном значении* – добавочном значении мотивированного знака (эмоциональном, экспрессивном, оценочном), представляющем результат экспликации коннотативных элементов, связанных с прямым значением:

Человек	→	Животное	→	Человек
↓		↓		↓
Свойства человека	→	Свойства животного, ему приписываемые (коннотации)	→	Свойства человека как у животного
глупый	→	корова 1 (символ глупости)	→	корова 2 (глупая женщина)
коварный	→	змея 1 (символ коварства)	→	змея 2 (коварный человек)
трусливый	→	заяц 1 (символ трусости)	→	заяц 2 (трусливый человек)

Зоонимы, употребляющиеся в образном значении, объединяются в несколько смысловых групп [6]. В ядерную зону входят названия животных, птиц, рыб, насекомых, пауков и микроорганизмов; в приядерной зоне находятся названия доисторических животных, мифических и сказочных существ; в периферийную зону входят наименования жилища животных, помещения для их содержания и разведения, названия предметов для ловли животных и ограничения их движений, действий, обозначения звуков, издаваемых животными, их движения.

Каждая из выделенных тематических групп обнаруживает различную степень продуктивности в реализации образных значений. Рассмотрим в качестве примера четыре смысловых объединения.

Тематическая группа «Животные» – самая многочисленная (171 слово в обработанном нами материале) [6, с. 19–100]. В основной своей массе анимализмы служат для характеристики внешности человека: *бегемот* ‘очень толстый, неуклюжий, неловкий человек’, *боров* ‘толстый, неповоротливый человек’, *выдра* ‘очень худая женщина’, *дикобраз* ‘лохматый, непричесанный, неопрятный человек’, *каракатица* ‘неуклюжий, коротконогий человек’; качеств характера, поведения: *агнец* ‘кроткий, послушный человек’, *байбак* ‘неповоротливый, ленивый человек, лежебока’, *вол* ‘о том, кто много и тяжело трудится’, *гиена* ‘жадный, коварный человек’, *кобра* ‘злая

женщина’, *слизняк* ‘безвольный, бесхарактерный, ничтожный человек’; интеллектуальных качеств: *баран* ‘глупый, тупой, упрямый человек’, *корова* ‘толстая, неуклюжая, а также неумная женщина’, *овца* ‘робкий, безответный человек’, *олень* ‘простоватый, прямолинейный, безынициативный человек’; социального статуса: *аллигатор* ‘авторитетный в какой-л. отрасли человек’, *кит* ‘одно из главных или наиболее важных лиц в каком-л. деле, деятельности, на которых это дело держится’, *спрут* ‘очень влиятельный человек’, *улитка* ‘незначительный, ничтожный человек’.

Значительная часть метафор именуется какой-либо предмет: *амфибия* ‘автомобиль, танк и т.п., приспособленные для движения по суше и по воде’, *еж* ‘противотанковое или противопехотное сооружение в виде скрещивающихся кольев или железных брусьев, переплетенных колючей проволокой’, *жираф* ‘кран’, *кенгуру* ‘космический корабль’ (в романе И. Ефремова «Час быка»), *питон* ‘длинный вытянутый предмет’.

Большинство слов образует словообразовательные гнезда, в том числе сильноразвернутые (*еж*, *бык*, *ехидна*, *зверь*, *змея*, *ишак*, *свинья*, *скот*, *хищник*). Чаще всего от названий животных образуются прилагательные (*анакондовый*, *беличий*, *бычий*, *воловоий*, *дельфиний*, *дикобразий*, *ехидный*, *жабий*, *звериный*, *кабаний*, *кенгуриный*, *львиный*, *обезьяний*, *ослиный*), сложные прилагательные с компаративными аффиксоидами (*бегемотоподобный*, *бегемотообразный*, *быкообразный*,

гориллоподобный, дельфинообразный, жабоподобный, жирафообразный, зайцеподобный, ослоподобный, ракообразный), наречия (*по-щенячьи, по-беличьи, по-жеребячьи, по-заячьи, по-зверски, по-кроличьи, по-львиному, по-свински*), глаголы (*бычиться, ехидничать, ежиться, звереть, змеиться, ишачить, крыситься, лисить, обезьянничать, свинячить*).

Тематическая группа «**Птицы**» – вторая по количеству группа (92 слова – почти в два раза меньше, чем в группе «Животные») [6, с. 101–141]. Зоонимы развивают метафорические значения по тем же семантическим моделям, что и названия животных. Это, прежде всего, характеристика внутренних качеств и поведения человека: *баклан* ‘глупый, достойный презрения человек’, *ворона* ‘рассеянный, невнимательный человек’, *индюк* ‘о том, кто имеет напыщенный и глупый вид, о заносчивом человеке’, *коршун* ‘хищный, агрессивный человек’, *пингвин* ‘недалёкий, глупый человек’, а также указание на возраст и жизненный опыт: *альбатрос* ‘бывалый, опытный моряк’, *галчонок* ‘о ребёнке’, *лунь* ‘о старом человеке’, *цыплёнок* ‘наивный молодой человек’.

В отличие от слов предыдущей группы, наименования птиц в метафорическом значении редко участвуют в наименовании конкретных предметов: *альбатрос* ‘реактивный самолёт-амфибия’, *ворон* ‘тюремный автобус с решетчатыми окнами’, *канарейка* ‘милицейский автомобиль желтого цвета с голубой полосой’, *сапсан* ‘высокоскоростной электропоезд’.

Значительное количество слов образуют словообразовательные гнезда, иногда сильноразвернутые (например, *петух, попугай, сова*). Чаще всего от названий птиц образуются прилагательные (*воробьиный, вороний, галочий, голубиный, гусиный, журавлиный, индюшиный, канареечный, лебединый, пеликаний*), наречия (*по-вороньи, по-голубиному, по-гусиному, по-журавлиному, по-индюшачьи, по-кукушечьи, по-лебединому, по-орлиному, по-ястребиному*), реже – глаголы (*бакланить, проворонить, петушиться, попугайничать, советь*).

Тематическая группа «**Рыбы**» (34 слова) [6, с. 142–155]. Метафорические значения слов этой группы служат прежде всего для оценочной характеристики внешности человека: *вобла* ‘худая некрасивая женщина’, *камбала* ‘некрасивая женщина’; качеств его характера, поведения: *вьюн* ‘юркий, вертлявый человек, непоседа’, *налим* ‘неприятный, скользкий человек’, *пиранья* ‘беспринципный человек’, *рыба* ‘вялый, медлительный или холодный, бесстрастный человек’, *угорь* ‘изворотливый человек’; социального статуса: *акула* ‘авторитетный в какой-л. отрасли человек’, *осётр* ‘важное лицо, персона, особа’,

пескарь ‘незначительный человек’, *плотва* ‘о незначительных по своему общественному весу, значимости, личным качествам людях’. Незначительная часть метафор называет неодушевленные предметы: *барракуда* ‘ударный транспортный вертолет Ми-248’, *ёрш* ‘щётка для мытья или чистки внутренних поверхностей каких-л. предметов’, *плавник* ‘то, что внешним видом напоминает плавник’, *чешуйя* ‘то, что внешним видом напоминает чешую’.

Некоторое количество слов, так же как наименования животных и птиц, образует небольшие гнезда, основу которых составляют прилагательные (*акулий, лососиный, налиимый, пескариный, рыбий, сазаний*), наречия (*по-акульи, по-карасьи, по-рыбы, ершисто*), а также сложные прилагательные с аффиксоидами *-видный, -образный* (*акулообразный, рыбообразный, сомовидный*).

Тематическая группа «**Насекомые. Черви. Пауки. Микроорганизмы**» (62 слова) [6, с. 156–183]. Метафоры этой тематической группы служат для характеристики внешнего вида человека (*глиста* ‘очень худой, долговязый, нескладный человек’, *жужелица* ‘некрасивый человек’, *членистоногий* ‘человек с длинными и гибкими конечностями’), указания на возраст (*клоп* ‘о ребенке или малорослом, невзрачном мужчине’, *сверчок* ‘о ребенке’). Значительная часть слов называет качества характера человека, особенности его поведения: *бабочка* ‘легкомысленный, ветреный человек, живущий без забот’, *гнида* ‘тот, кто совершает гнусные поступки, исподтишка делает подлость, ничтожество’, *клец* ‘тот, кто живёт за счёт чужого труда’, *мотылёк* ‘беззаботный человек’, *оса* ‘злой, ядовитый человек’; обозначают социальный статус: *блоха* ‘ничтожный, презираемый человек’, *вошь* ‘незначительный, ничтожный человек’, *микроб* ‘незначительный человек’, *насекомое* ‘незначительный, ничтожный человек’, *планктон* ‘о ком-л. незначительном, второстепенном, ничтожном’.

Небольшое количество слов, связанных с названиями микроорганизмов, обозначают нечто негативное, вредное, отрицательное (*бактерия* ‘то, что является возбудителем, катализатором чего-л.’, *бацилла* ‘о каком-л. негативном явлении в области духовной жизни’, *вирус* ‘отрицательное, вредное свойство, качество, распространяющееся подобно заразе’). Единичными случаями представлены метафоры, именующие конкретные предметы: *бабочка* ‘способ завязывания на шее галстука-ленты, а также сам галстук в виде короткого жёсткого банта’, *гусеница* ‘замкнутая сплошная лента в виде цепи, надеваемая на колеса самоходных машин’, *жало* ‘дуло оружия’, *шмель* ‘название огнемётного орудия’.

Образный потенциал слов этой группы реализуется также в производных словах: прилагательных (*амёбный, бацилльный, блошинный, вирусный, гнусный, комариный, муравьиный, осинный, сверчковый, шмелиный*), сложных прилагательных с компаративными аффиксоидами (*амёбоподобный, амёбообразный, бабочкообразный, пауковидный, паукообразный, пиявкообразный, скорпионоподобный, червеобразный*), наречиях (*по-осиному, по-паучьи, по-шмелиному, членистоногого*).

Как показывает анализ материала, заголовочные слова-метафоры часто образуют словообразовательные гнезда, в которых производные либо усваивают метафорическое значение зоонима, либо – гораздо чаще – развивают новое.

Среди образных производных можно выделить три группы слов: метафоры, слова с компаративной семантикой, словообразовательные метафоры.

К **метафорам** относятся, прежде всего, прилагательные (*акулий, лисий, медвежий, звериный, ослиный, лебединый, орлиный, воробьиный, голубиный*), некоторые существительные с модификационным значением (*бегемотиха, бычина, рыбёшка, волчонок, зверёныш, кошечка, овечка, слониха, тигрица, воробьишка, кукушонок, птенчик*) и небольшая группа глаголов (*мимикрировать, табуниться, жалить, закуклиться, паразитировать, роиться, гнездиться*).

Производные с **компаративной семантикой** представлены двумя типами слов – наречиями и сложными прилагательными.

Сложные прилагательные с аффиксоидами *-видный, -подобный, -образный* выражают сравнительно-конкретизирующее значение, т.е. 'подобный тому, что названо первым компонентом': *звероподобный, гориллоподобный, дельфинообразный, крысовидный, сомовидный, окуневидный*.

В подобных производных сравнение выражено с помощью аффиксоида, т.е. оно не скрытое, а следовательно, не выполняется главное условие метафоры – «понимания и переживания сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [7, с. 27]. Кроме того, указанные композиты являются посредниками при описании внешнего сходства какого-либо предмета с другим (*обезьяноподобный мужчина, бабочкообразный чепец, акулообразное лицо*), т.е. характеризуют предмет посредством ссылки на другой предмет, в то время как метафора должна называть или характеризовать предмет напрямую: *Он – настоящая обезьяна*. В связи с этим подобные производные достаточно легко поддаются словообразовательному синтезу, а именно: мы можем, во-первых, «образовать от данного

слова другое слово по заданному различию в значении» и, во-вторых, «зная значение морфов членимого слова, уметь определить значение слова в целом» [8, с. 87].

В зону компаративной семантики (а не метафорической) входят также отсубстантивные наречия префиксально-суффиксального способа словообразования с общим значением 'подобно лицу или животному, названному в производящей основе': *по-лошадиному, по-лиси, по-скотски, по-бульдожь, по-шакальи* и под., поскольку лексическое значение таких слов полностью исчерпывается их деривационным значением. Эта группа практически безгранична (ее границы определяются конечным списком слов, обозначающих лиц и животных) – ее потенциал очень высок.

Словообразовательные метафоры – это производные с метафорической мотивацией, образное значение в них возникает в акте деривации или наследуется от производящего (при этом прямое значение не наследуется): *змеиться* 'блуждать, скользить' (< змея 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с длинными зубами'), *попугайничать* 'повторять чужие мысли, слова' (< попугай 'тот, кто не имеет своего собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова'), *советь* 'впадать в полусонное, дремотное состояние' (< сова 'ночная птица с мягким рыхлым оперением, с большой круглой головой'), а также *проворонить, крысятничать, бычиться, ёжиться, звереть, лисить, обезьянничать, окрылить, хомячить, шакалить, разлапистый, ершистый, змеевик, крылатка, журавлино, ершисто, соловьино, ястребино* и др. (подробней об этом см.: [9, с. 3–20]).

Образный потенциал зоонимов реализуется также в таком тропе, как **сравнение**, где, в отличие от метафоры, присутствуют оба объекта: тот, который подвергается сравнению, и тот, с которым его сравнивают.

Сравнение основано на сопоставлении языковыми средствами двух различных объектов с целью подчеркнуть их сходство или различие. Сравнение может выражаться различными способами [10]:

а) сравнительным оборотом: *Маленький и юркий, как чиж, он сладко улыбается желторотым своим покупательницам* (К. Чуковский. Серебряный герб);

б) сравнительными придаточными предложениями: *Я много раз видел ледоход, и всегда это было так, как будто какая-то сила нехотя ломала грязный лед* (В. Каверин. Ничего нельзя изменить);

в) существительным в форме творительного падежа «творительный сравнительный»: *Пото-*

лок на нас пошел снижаться **вороном**... (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин); *Там дыбилося левиафаном, что всплыл в ночи посередине мира, здание ДК* (А. Дмитриев. Призрак театра);

г) конструкциями с лексемами сравнительной семантики: *Маленькие домики **вроде курятников**, свежие, светло-фанерные, с красными веселыми крышами* (И. Грекова. Первый налёт.); *Митенька торжествующе следил за ними, **подобно дикому барсу**, притаившемуся за скалой* (Э. Шим. Ребята с нашего двора).

Сравнения, как показывает анализ примеров, обладают большим образным потенциалом, чем метафоры, которые называют предмет, признак или действие напрямую, актуализируя определенные семы. Метафорических значений у зоонимов бывает обычно одно–два, реже – три. Сравнения же во многих случаях указывают на самые разные аспекты, поэтому они во многих случаях окказиональны. Так, слово *анаконда* в сравнительных конструкциях реализует такие признаки, как беспощадность (*беспощаден, как анаконда*), огромная длина (*Россия очень большая и растянулась, как анаконда*), способность извиваться (*баржи вьются среди них, словно анаконды*). Слово *бизон* оказывается актуальным для характеристики различного поведения человека (*напролом идти к цели, как бизон; хмурый и подозрительный, как бизон в джунглях*), звучащей речи (*вопить, словно голодный бизон; взревел ревнивым бизоном*), внешнего вида (*склонив голову, как бизон*).

Некоторые зоонимы (*антилопа, аист, барсук, беркут, дрозд, карась, кузнечик, лосось, стегозавр, ягуар, ящерица*) реализуют образное значение только в сравнениях: *А потом я вижу вдалеке меж стволов Сергея, стоящего на одной ноге, **как аист**, с задумчиво склоненной головой* (С. Токарев. Турне, или Две недели с фигуристами); *И вот уже шоссе, и он виляет между автомобилями, **как лосось** между камнями* (И. Ефимов. Суд да дело); *А за Таркуликом поражает взгляд какая-то фантазмагория вершин, острых и зубчатых, **как хребты стегозавров*** (О. Гусев. Три дня прекрасного).

Еще один пласт языковых единиц, в которых реализуется образный потенциал зоонимов, – **фразеология**. Это самая малочисленная группа: только 62 зоонима (из 460) употребляются в устойчивых оборотах, при этом большая часть из них (44 идиомы) приходится на названия животных и птиц.

Отнималистические фразеологизмы отражают многовековые наблюдения человека

над внешним видом и повадками животных, но не передают отношение людей к их «меньшим братьям», а служат средством характеристики самого человека: его внешних качеств (*драная кошка, мокрая курица, седой как лунь, гамбургский петух*), физических возможностей (*загнанная лошадь, спать как сурок*), социального статуса (*офисный планктон, волчий билет, белая ворона*), межличностных отношений (*медвежья услуга, как кошка с собакой, прижать хвост*), черт характера (*волк в овечьей шкуре, серая мышь, синдром страуса*), поведения (*как бык на красную тряпку, вола вертеть, виться ужом*), интеллекта (*как баран на новые ворота, ежу понятно, дятел новогодний, клювом щёлкать*), жизненного или профессионального опыта (*морской волк, стрелный воробей, акула пера*).

Как видим, зоонимы обладают достаточно высоким образным потенциалом, который реализуется как в метафорических значениях (анималистическая метафора), так и в сравнениях и фразеологизмах. Все вместе они образуют образное поле, в центре которого находится метафора.

Список литературы

1. Альбрехт Ф. Б. Отнималистическая субстантивная метафора в лексике и фразеологии современного русского языка : Опыт комплексного анализа : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 319 с.
2. Москвин В. П. Русская метафора : Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
3. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
4. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1998. 216 с.
5. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта, 2006. 344 с.
6. Козинец С. Б. Человек в мире животных. Образный потенциал зоонимов : словарь. Саратов : Саратовский источник, 2022. 240 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Милославский И. С. Вопросы синтеза производного слова по заданному семантическому различию // Филологические науки. 1977. № 6. С. 87–93.
9. Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. М. : Флинта, 2017. 285 с.
10. Правда Е. А. Способы выражения сравнений в языке русской поэзии : ядерные структуры // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Филологические науки. 2015. № 2 (267). С. 160–164.

Поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 09.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 09.04.2022; accepted for publication 06.05.2022